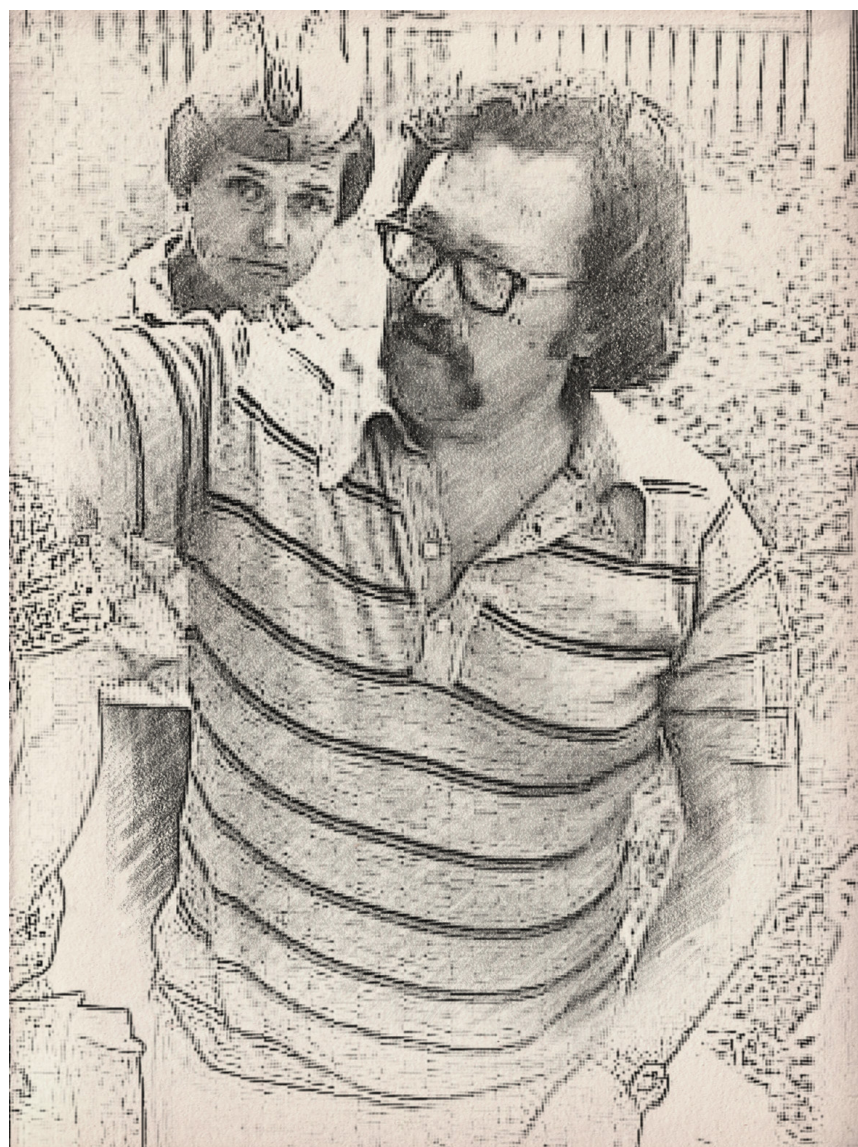

Резидент

Наследие минувшей войны, коснувшееся нас, держало наше поколение в постоянном тонусе. Во многом этому способствовала игра «Зарница». Ну, не знаю, у кого и как она проходила, а у нас в лагере это точно было неординарное мероприятие.

Неординарное, значит необычное, из ряда вон выходящие. Так оно, впрочем, и было! У нас она могла быть разной, но никогда тривиальной. Если «Зарницу» вносили в график мероприятий на смену, то этим летом другой игры уже не планировали. Готовили ее долго, скрупулезно и на второе мероприятие подобного формата просто уже не осталось бы ни каких ресурсов ни организационных, ни материальных, ни финансовых, ни духовных. Впрочем, судите сами.

Сын генерала, вожатый эскадры, практически адмирал «Бучильской флотилии» Андрэ де ля Топор был еще и руководителем театра «Ритм» натурой творческой и способной на всяческие нетрадиционные режиссерские решения в постановке любых самых сложных спектаклей. В то лето он взялся за постановку военно-спортивной игры «Зарница».

Предпочитая большие формы, он и здесь решил не мелочиться. Поэтому, кроме традиционной военно-спортивной эстафеты с противогазами, переноской раненных в носилках и без, объявлением атомной угрозы и полосы препятствий в этот раз она была расписана на несколько дней. В протокол мероприятий входили также военный парад, смотр и прохождение торжественным маршем с песней. Для чебурашек предусматривалась спецоперация по поимке диверсанта, а старшие отряды, поделенные на две ар-

мии, должны были в заключительный день сойтись на футбольном поле в последней и яростной схватке. Вроде как рукопашный бой по правилам короче, стенка на стенку.

Войска «Звездочки» были усилены космического вида броневиком, переоборудованном с помощью художника и кружка «Умелые руки» из машины скорой помощи. На футбольное поле выкатилась сияющая свежей красной краской пожарная машина, раскатав бранспойты и дав для остротки высокую струю в воздух то ли в честь начала игры, то ли прибить пыль перед военными действиями. У скульптуры «Однорукого» вкопали стенд с картой военных действий. Даже тележку из столовой превратили в автомобиль главнокомандующего, дав ей не очень воинственное имя «Антилопа Гну».

Торжественное топанье с песнями перед трибуной с генералитетом плавно перетекло в сектор военно-спортивной эстафеты, затем зону ядерной атаки, похоронив изрядную часть личного состава. Случайные прохожие с хоздвора были подвергнуты насилию на них одели противогазы, наложили шины на переломанные руки-ноги, повязку космонавта на пробитую голову и, уложив на носилки, унесли в изолятор.

В целом, день прошел в запланированном формате с планируемыми издержками и потерями. Неформатным получилась поимка диверсанта.

Сергей Федосеев, художник лагеря, был человеком сугубо мирным, не приемлющим насилия, хотя внешние данные и прошлое морского пехотинца явно прослеживались в доминирующей кривой его бицепсов и широчайшей мышцы спины. Да и внушительных размеров кисти рук, так трепетно рисовавшие акварель, что в просвечивающихся ягодках виднелись косточки, явно диссонировали с изяществом кисти, которая растворялась в конфигурации его пальцев. В обычной жизни Сергей Григорьевич был станочником высочайшей квалификации, точивший на своем станке детали форсунок сверхсекретных ракет и еще неведь чего. Об армейских буднях он вспоминал скупно, рассказывая только о встрече их корабля в Атлантике с американским

авианосцем и помятуя некоего мичмана Сотова, который представлялся новобранцам как «командир всех взводов», добавляя при этом: «У меня есть пистолет»! Что-то с этим мичманом вышло не так, но это другая история, и мы отложим ее на потом.

Тихий час начался для Сергея в кружке «Умелые руки», где из подручных материалов он должен был сочинить себе настоящий шпионский пистолет. Для мастера его класса это не представляло особого труда. Надо было бы, он бы сделал его стреляющим, но сценарий этого не предусматривал, и маэстро решил остановиться. И без того пистолет получился размером с небольшую гаубицу. Черный вороненый ствол выглядел конкретно, словно говоря: «Не думаю, сэр, что мою пилюлю Вы сможете переварить!» По легенде, он диверсант под прикрытием, под личиной художника в пионерском лагере ждет команды из-за океана, чтобы взорвать ракеты в шахтах, расположенных на футбольном поле. Вычислить их не представляло труда по канализационным люкам, тщательно прикрываемым физруком резиновыми ковриками. И как не старались из года в год вырастить газон, трава на футбольном поле не росла, что тоже может вполне являться следствием утечки гептила из ракет. Завтра ключевой день октябрятам подбросят ребусы, по которым они смогут его вычислить и схватить.

Художник не имел ни чего против того, что бы поучаствовать в «безобразиях» творившихся в лагере. Например, недавно, два кружководы, обнаружив рано утром спящего под кустом обессиленного водителя, затащили его в голубятню в зооуголке и, постелив соломки, оставили поживать. Художника же разбудили ни свет, ни заря и попросили сделать трафареты, которые и навесили на клетку со спящим водителем. А поутру после зарядки физрук повел лагерь прямо с футбольного поля на показ невиданного зверя, поселившегося в зооуголке, под названием: «Васисуалий анашкинский, вульгариус». Последнее словцо означало просто - «Обыкновенный». А на калитке висела табличка: «Вася озверел!» Как он не подумал, что по этим табличкам его и вычислит начальник лагеря! Вот так - колобродят одни, а отдуваются другие!

Другое дело — «Зарница»! Мероприятие официальное и, опять же, рассчитанное на игру с малышами.

Утро началось удачно. На завтрак дали картофельное пюре с селедкой и бутерброд с маслом и сыром. В добавке не отказывали, поэтому Сергей вернулся в свой «трюм», как он называл гримерную в клубе, где постоянно проживал, и где была его мастерская, и стал смотреть, как старшие отряды тешились в противогазах и ОЗК, а стайки октябрят порхают с места на место, отгадывая, где лежит очередная подсказка, указывающая на место пребывания «резидента».

По его расчетам надо было одеваться. Он, облачившись в защитного цвета брюки, надев брезентовую куртку с капюшоном и широкими рукавами как у кимоно, сунул ноги в короткие черные сапоги, засунул за пояс свой ужасного вида пистолет и тихонько выскользнул из клуба.

— Вон он, лови! — только и успел услышать он, до того как в него вонзились с десятков детских пальцев, стремясь схватить, скрутить, сломать одним словом, обезвредить!

Инстинктивно поведя могучим плечом, ему удалось сбросить с себя десятка полторы мальчишек и девчонок, но им на помощь уже бежали старшие. Не разбирая дороги Сергей ломанулся через дыру в заборе за бассейн, и растворился в кустах перед дорогой на Анашкино. Свистевшие по кустам шишки были ничуть не менее страшными, чем настоящие пули.

— Вот те и детские игрушки! — переводя дух, подумал Художник, выбираясь из ольховника на дорогу. Словно медведь-шатун, весь в паутине, обломках веток, листве и еловых иголках, с лицом, на котором отражалось сразу все растерянность, ужас преследования, и в то же время готовность сражаться и решимость довести начатое до конца. Короче, все то, что обычно показывают в фильмах про резидентов, уходящих от погони. В своем образе Сергей был вполне адекватен замыслу режиссера могуч, беспощаден, хитер и неумолим. Пистолет, из-за своего гигантского размера не удержался под резинкой тренировочных штанов и

начал сползать, поэтому Художник вытащил его из штанов и, думая, куда бы его засунуть, пошел по дороге.

Из-за поворота на него выехала легковая машина. Целую неделю добропорядочные родители ждали того дня, когда можно будет проводить свое дитя в пионерском лагере. В багажнике на колдобинах переваливались дорожные сумки со всяческими вкусностями, среди которых были и клубника, пересыпанная сахарным песком в банке, и черешня с рынка, и бабушкины сладкие пироги в льняной салфетке, и малосольные огурчики, и мало ли чего еще в разноцветных коробочках, кулечках и огромном китайском термосе с нарисованными пионами. В этом году на семейном совете впервые было решено отправить ребенка в пионерский лагерь. Наверное, это решение тяжелее далось родителям, чем ребенку, который несколько опасался, но интерес к новому безапелляционно победил, и вот он уже две недели как пионер четвертого отряда. Родители, отсылавшие посылки и письма в традиционном треугольнике, получили лишь один довольно странный ответ:

«Здравствуйте дорогие папа и мама! У меня все хорошо - спокуха на лице! Вожатая зовет: «Вперед, на мины!» Целу....»

Сломав голову бессонной ночью, родители долго совещались, но приняли решение самолично проводить родное дитя и посмотреть, кто же там зовет их кровиночку «на мины».

Педадь тормоза резко ушла в пол. Ушастый запорожец клонул носом и заглох. Ткнувшись грудью в руль, водитель поднял глаза. Перед ним стоял леший - огромный болотного цвета упырь в еловых иголках, обрывках веток, паутине, заросший черной щетиной и выбивающимися из-под капюшона патлами. С диким вида гуманоидом диссонировали пижонские очки, сидевшие на носу как влитые и огромный пистолет, из которого, наверное, стреляли небольшими ядрами.

— Дальше по дороге детей нет? — спросил гуманоид.

Лица людей в автомобиле были не то что бледны, они напоминали рыбы головы глубокой заморозки, с чуть приоткрытым ртом и выпученными глазами. Отблески жизни в белесых зрачках

отсутствовали. Глазированные ужасом тела не выдавали признаков жизни.

— Ну-да, ну-да! — небрежно бросил сам себе упырь и прыгнул в кусты при дороге. Визг колес сорвавшегося с места автомобиля мог бы сойти за рев Феррари, если б не звук разлетающейся щебенки. «Странные какие-то», - подумал Сергей, и побрел в лагерь со стороны детского сада.

Библиотекарь Лена относилась к числу интеллектуально разносторонних сотрудников НИИ ТП. Работа с книгами и периодикой расширила ее кругозор и мировосприятие до невиданных пределов. С ней было интересно говорить на любую тему, о любой книге, любом спектакле и даже на международные темы. Заметив красивую девушку в библиотеке, обладающую к тому же приятной «доминирующей кривой» - линией, мысленно проводимой мужчинами от шеи через грудь, талию, бедра, и далее от коленок к лодыжке, Сергей мгновенно принял решение, что надо бы чем-то увлечься, что бы ни отсвечивать армейским юмором и шаблонами дворового эпоса. Ракушки! Вот что звучит нетривиально, интеллигентно и куртуазно!

Расчет его был верен. И вот теперь по выходным дням Лена с их маленьким сыном Денисом садилась на Белорусском вокзале в зеленый вагон электрички и тряслась до станции Садовая, а там краем леса, через деревню Капань, мимо братской могилы через поле, через Минку и по проселку, до лагеря, где работал ее муж.

В этот раз Денис как обычно ел долго и нехотя, поэтому они опоздали на электричку и пришлось ехать на более поздней в самую жару. Прогулка по лесу и полю уже не была такой приятной. Солнышко, слепни делали свое дело - волосы липли ко лбу, сумка оттягивала плечо, маленькая ладошка Дениса постоянно выскальзывала из руки. К тому же он постоянно терял головной убор панамку, которая скатывалась с гладкой юной головки, и приходилось нагибаться, что бы поднять ее и нахлобучить покрепче.

Добравшись до лагеря, привычной тропой через детский сад Лена с Денисом прошли к клубу. На двери висел замок.

— Ага! Вот и вся шпионская семья пожаваловала! — язвительно сказал появившийся из кустов октябренок - А ну-ка, лебя-та, тащи их в тюльму к лезиденту! - крикнул он куда-то в сторону.

Из кустов стали появляться такие же мелкие и подозрительные чебурашки и обходить Лену кругом.

Подошедший знакомый командир из вожатых утихомирил воинственных малявок и попытался объяснить, что мол, ничего страшного, Сергей Григорьевич жив-здоров, при задержании сильно не пострадал, пыткам не подвергался и в настоящее время, как резидент вражеской разведки, отбывает наказание в тюрьме, т.е. в зооуголке, где его стерегут чебурашки.

Чумазные воины, не отходя далеко, подозрительно смотрели на Лену с маленьким Денисом. «Враги народа!» - ярлык, который в нашей стране могут быстро прилепить, не разбираясь, не только к тем, кто поддался на шутку, но и ко всем родным и близким.

Сергей уже несколько часов метался по зооуголку. По тому самому, на который он собственноручно вешал табличку: «Вася озверел!» Мало того, что его вычислили еще на территории детского сада, но когда завязалась потасовка, кто-то из пионеров сильно треснул толстым стеблем зеленого трубочника по голове, отчего стебель в месте удара превратился в мочало, а в голове художника все мысли как-то сложились пополам и на них обрушился звездопад из слезящихся глаз.

— Вот тебе и игрушки! — подумал он, когда его вталкивали в голубятню зооуголка.

— Ляля жлоб! — была первая мысль, когда он уселся на сено, брошенное несколько дней назад — Не мог побольше натащить!

Голова болела, на месте удара проявила свою округлость шишка. Рванный рукав штормовки безжизненно болтался, словно отстрелянный при заварушке. Поглядев по сторонам, он для острастки потряс сетчатое ограждение и прорычал:

— Передайте Мамонту, что я на такие роли не подвизался! Где культура ведения войны? Где исполнение кодекса содержания военнопленных? Я требую военного атташе!

Сидящий на дереве нахаленок, палкой стучавший по его клетке, строго произнес:

— Ну, ты, не очень-то! Сейчас тебе жену с ребенком приведут на свидание! А будешь бузить, посадим их в соседнюю камеру, к индоуткам!

Появившиеся из-за клуба Лена с Денисом немного прибавили оптимизма к безысходной судьбе лагерного заключенного. Рядом шел Андрэ де ля Топор, с позвякивающим аксельбантом и в морской пилотке подводника. Усы его строго щетинились, пряча лужавые глаза.

— Сереж, ты долго тут собираешься развлекаться? Денису пора обедать и спать! — сказала Лена тоном, не допускающим возражений. Сидящий на руках Денис, увидев отца в клетке, заплакал, то ли от сочувствия, то ли, действительно уже хотел спать.

— Что-то вы тут разыгрались! Вот и табличка: «Вася озверел!» Не удивительно, да вы все тут озверели! — продолжала она не глядя на неодобрительные выражения окруживших зооуголок чебурашек.

— Мамонт, ну выпускай его уже! — решила она закончить раз и навсегда общелагерное мероприятие.

— А у него ключа нету! Он у главнокомандующего! — спрыгнув с дерева, вставил свое слово караульный. Пока послали за главнокомандующим, который разнимал сорвавшихся в рукопашную армии «синих» и «красных», пока искали ключ в его комнате, пока миновали танкодром, по которому ездила закомуфлированная под летающую тарелку санитарная машина...

Художник, он же резидент Федосини, он же Сергей Григорьевич Федосеев, обломал ногти о сетку голубятни, но сделать ни чего не мог. Резидент озверел! Перед ним стояла жена, приехавшая на несколько часов, малолетний сын, клевавший носом на ее руках, а он, здоровый мужик, сидел взаперти в голубятне зооуголка и подвергался насмешкам малолетних героев сопротивления. Наконец принесли ключ, но караульный, отпирая замок, строго предупредил :

— До окончания игры Вы помещаетесь под домашний арест. Покидать комнату запрещено!

Выходя из калитки, Художник сорвал злосчастную табличку, хмуро посмотрел на Мамонта, лукаво улыбавшегося в усы. Хотелось высказать этому провокатору все, что накопилось за последние несколько часов, но исчезающая в дверях комнаты «доминирующая кривая» его супруги поглотила мысли целиком и безраздельно.

Вот так закончил свою миссию «озверевший» резидент игры «Зарница», чей кубрик еще долго украшала табличка со ставшей достоянием лагерного эпоса надписью.